

М.Е. Журавлев. ДОКЛАД на X международной конференции по когнитивной науке. ПЯТИГОРСК

Преодолевая зазор между когнитивистикой и литературоведением

Эта работа сделана в тесном взаимодействии с Ириной Владимировной Головачевой. Целью моей работы является, помимо собственно литературоведческих результатов, демонстрация исследования, которое находится на пересечении области традиционного литературоведения и исследований, ставящих проблемы когнитивного литературоведения. Существенной особенностью нашего подхода является приложение точных методов к задачам литературоведения.

Через тридцать лет, прошедших с момента возникновения когнитивного литературоведения, мы видим устойчивое сообщество исследователей, немалое количество статей и книг, и несколько фронтиров этой сравнительно новой области исследования. Один из вопросов, к которому регулярно обращаются исследователи – вопрос о соотношении традиционных подходов литературоведения и подходов, ориентирующихся на когнитивные методы. Авторы, занимающиеся этой проблемой, отмечают, что желательно было бы тезисы традиционного литературоведения, нередко волюнтаристские, подкреплять выводами когнитивного подхода. Речь ни в коем случае не идет о полной эквивалентности методов – скорее, о некоторой согласованности, точнее пересечении выводов. Большинство исследователей, работающих в области когнитивного литературоведения, как и тридцать лет назад сосредоточено на рецепции, т.е. на анализе закономерностей понимания текста разными читателями и на выявлении неких общих механизмов интерпретации, в основном, нарратива, на гипотетических способах структурирования информации в сознании читателя. Большинство литературоведов-когнитивистов полагает, что *рецепция литературного текста предопределена закономерностями когнитивных процессов.*

Помимо анализа рецепции существует другой тип исследований художественной литературы, оптика которых направлена на анализ

«литературных универсалий» (Hogan 2020), т.е. типичных структурных черт художественных произведений. Можно спросить, что когнитивного в таком подходе? Предполагается, что *выявление этих закономерностей позволяет изучать структуры человеческого сознания.*

Когнитивное литературоведение нередко подвергается критике с двух сторон – и со стороны традиционного литературоведения (исторического и пост-структуралистского), и со стороны когнитивистов, т.е., и со стороны scholars-гуманитариев и со стороны scientists. Однако такая ситуация не означает принципиальную несовместимость подходов. Так, например, на пересечении этих двух областей может быть поставлен такой исследовательский вопрос: **Как думают литературоведы? Как они решают придуманные ими задачи?**

В качестве примера рассмотрим компаративистику, т.е., сравнительное литературоведение. Как литературоведы сравнивают конкретные произведения? В абсолютном большинстве случаев так: 1. По времени создания – т.е. их объединяет, например, характер поэтики эпохи, литературное направление. 2. По так называемой интертекстуальности – т.е. по признакам непосредственного воздействия текста одного писателя на его прочтение другим писателем. 3. По неким формальным признакам – по строению стиха в поэзии, по типу сюжета, мотиву, жанру. Так можно сравнить и словами описать сходство признаков небольшой группы произведений. При этом внимание исследователя будет попеременно фокусироваться то на одном признаке, то на другом. Но как сравнить более или менее большую группу текстов?

Приведем пример. Мы решили проверить сходство произведений, построенных на мотиве или топосе «двойник». Как подойти к такой задаче? Очевидно, что обнаруживаемые сходства имеют не один характер, а множество. Можно начать составлять списки текстов, где двойник – это реальный человек, можно – отдельный список мнимых или галлюцинаторных двойников. Но что с того? В чем феноменологический смысл такого рода штудии? Нам представляется, что сочетание точных (квантитативных) методов

и так называемого метода «пристального чтения» способствует постановке новых исследовательских вопросов при работе с художественным текстом и открывает возможность новых продуктивных интерпретаций. Это особенно важно в тех случаях, когда сомнению подвергается эвристическая ценность количественных подходов к исследованию текста. Литературоведы как правило задают вопрос о том, зачем нужно прибегать к математике, если родство или преемственность художественных текстов можно обосновать, например, с помощью источниковедческого или интертекстуального анализа. Однако, как мы демонстрировали в наших работах [Головачева, Журавлев, Де Мони 2017; Golovacheva, Stroeve, Zhuravlev, de Mauny 2018], исследование можно построить так, что результаты количественного исследования послужат триггером для собственно литературоведческих изысканий. Мы надеемся дать ответ на вопрос «зачем надо прибегать к методам другой науки», на примере исследования двойнических текстов, т.е. текстов, где встречаются двойники. Сочетание подходов (точных и качественных методов), как мы считаем, дает целостное, более объемное, и одновременно конкретное понимание предмета. Кроме того, этот метод демонстрирует, как именно происходит изначальный отбор материала, т.е. определение, что именно будет квантифицировано, и как осмысляются результаты.

Примером служит компаративное исследование двойнических образов и их множественных атрибутов. Чтобы представить объективистскую картину бытования литературных двойников, мы отобрали 13 текстов, относящихся к разным национальным литературам – немецкой, датской, английской, американской, французской и русской – и различным художественным направлениям (от романтизма до модернизма).

Использование точных методов способно дать объективное знание об образно-тематической структуре отдельного текста, равно как и об аналогичных структурах в группе текстов, принадлежащих к разным культурам и школам, но построенных на одном архетипическом образе. Детали такого подхода, выполненного в рамках теории графов, примененной для

сравнительного анализа самых известных русских и западных двойнических произведений, были продемонстрированы в ряде наших работ [Головачева, Демони, Журавлев 2021]. Мы отобрали для исследования «Удивительную историю Петера Шлемиля», 1814) А. фон Шамиссо, «Двойника» (1821) Э.Т.А. Гофмана, «Нос» (1836) Н. В. Гоголя, «Вильяма Вильсона» (1839) Эдгара А. По, «Два актера на одну роль» (1841) Т. Готье, «Двойника» (1846) Ф.М. Достоевского, «Тень» (1847) Г. Х. Андерсена, главу «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» (1879–1980) из романа «Братья Карамазовы» Достоевского, «Орля» (1886) Г. де Мопассана, «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда» (1886) Р. Л. Стивенсона, «Веселый уголок» (1908) Г. Джеймса, «Тайного сообщника» (1910) Дж. Конрада и «Отчаяние» (1932-1934) В.В. Набокова. Тем самым мы практически исчерпали запас известных канонических двойнических текстов малых жанров.

В этих произведениях мы исследуем два типа свойств. *Первый* – это проявления архетипических феноменов, связанных с двойничеством, которые описаны в книге Отто Ранка. Эти феномены вполне ожидаемо ограничены психическими проявлениями и не затрагивают поэтику двойнических текстов. По этой причине мы дополнили их рядом атрибутов, характерных для литературного топоса «двойник» (*второй тип свойств*). Отобранные нами «психические» и «поэтические» атрибуты распределены по четырем группам: «Психические атрибуты топоса двойничества», «Физические атрибуты удвоения», «Биографические атрибуты топоса двойничества», «Свойства поэтики готической тайны, связанной с двойничеством».

Для каждой из групп мы строим матрицу инцидентности, которая показывает, в каких именно произведениях встречается то или иное свойство. Подсчет числа совпадений атрибутов для всех пары произведений является весьма трудоемкой задачей, если выполнять его, не прибегая к матричной алгебре. Операции с матрицами позволяют количественно определить «индекс сходства» как число совпадений атрибутов. Совпадением считается как присутствие конкретного атрибута в каждом из двух произведений, так и их

одновременное отсутствие. Мы определяем степень сходства произведений внутри каждой группы и в итоге демонстрируем сходства и отличия текстов на основе совокупных свойств, обозначенных во всех четырех группах.

На слайде показана матрица инцидентности для свойств, отнесенных к группе «Психические атрибуты топоса двойничества». В матрице инцидентности мы ставим 1, если данный атрибут присутствует в тексте, и 0, если он отсутствует. Например, в «Двойнике» Э.Т.А. Гофмана сильно ощущение тревоги вплоть до самого конца рассказа, поэтому на пересечении строки «Двойник (ЭТАГ)» и столбца Тревожность стоит 1. На основании матрицы инцидентности построена таблица индексов сходства произведений по признакам данной группы. Матрица индексов сходства показывает число совпадений по атрибутам в рассматриваемой группе. Возьмем, например, «Веселый уголок», который идет вторым в Таблице 1 и «Отчаяние», которое идет пятым. На пересечении второй строки и пятого столбца в Таблице 2 стоит число 6 – это и есть число совпадений атрибутов. Для пары «Веселый уголок» / «Отчаяние» одновременно присутствуют Ужас, Агрессия, Тревожность, а одновременно отсутствуют – Злорадство двойника, Содействие/противодействие, Издевательское подражание оригиналу – всего шесть совпадений. Соответственно на пересечении второй строки и пятого столбца в Таблице 2 стоит число 6.

Удобно показать пары схожих произведений в виде симплициального комплекса. Максимальное число совпадений для психических атрибутов составляет 8 и 7. Как видим, четыре произведения, входящие в наибольшее число пар – это «Орля», «Тайный сообщник», «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (далее «Джекил/Хайд») Стивенсона и «Двойник» Достоевского. Цифрами 4 или 5, указанными под названием произведения, на рисунке отмечено число пар, в которое входит данное произведение. Например, «Тайный сообщник» показал значительное сходство с четырьмя произведениями. При этом тексты, схожие с «Двойником» Достоевского, образуют отдельный кластер, как видно на левой части рисунка.

Помимо выявления наиболее похожих пар текстов, можно подсчитать и общее число «сходств» данного произведения с остальными, используя всё ту же матрицу индексов сходства. Заранее не очевидно, что произведения, демонстрирующее наибольшее число всех совпадений, должны совпадать с произведениями, которые составляют группу текстов, входящих в наибольшее число пар. Мы проделали такие расчеты, и получили, что максимальное число общих совпадений показали «Джекил/Хайд» (73) и «Орля» (72). Высокое число общих совпадений (69) также продемонстрировали «Тайный сообщник» и «Двойник» Достоевского. Итак, *данные четыре произведения оказались лидерами не только в «парных сходствах», но и по общему числу совпадений психических атрибутов двойничества в отобранных текстах.*

В качестве примера собственно литературоведческого анализа, опирающегося на рассчитанные численные характеристики, прокомментируем лидирующее положение «Орля» и «Джекила/Хайда» в группе психических атрибутов. Вряд ли найдется более «психотический» сюжет о двойнике, чем новелла Мопассана, действие которой начинается и заканчивается в психиатрической клинике. Что до повести Стивенсона, то психиатрический диагноз, получивший название синдром Джекила-Хайда, говорит сам за себя.

Подобный же анализ был проделан и для остальных трех групп атрибутов («Физические атрибуты удвоения», «Биографические атрибуты топоса двойничества», «Свойства поэтики готической тайны, связанной с двойничеством»).

На этом слайде показан симплициальный комплекс для атрибутов «Свойства поэтики готической тайны, связанной с двойничеством».

Как итог, мы получили четыре списка произведений, демонстрирующих наиболее сильное сходство в группах атрибутов.

Количественный компаративный анализ характеристик двойников в литературных текстах, выявляя четкие закономерности их построений, послужил двум целям. Во-первых, он дал новое знание о типическом и

индивидуальном в литературе, а во-вторых, ограничил произвол литературоведа-компаративиста, не позволяя бессистемно сравнивать все, что угодно, с чем угодно. Репертуар «расщепления Я» в литературных произведениях может быть изучен, не сводя анализ к простому перечню, каталогизации его проявлений, вместо этого выявляя объективные взаимосвязи атрибутов и феноменов (сюжеты), то есть высвечивая модели или схемы (schemata) [Emmott and Alexander 2014] литературного воплощения Двойника. Когнитивный нарратолог Моника Фладерник использует теорию схем, говоря, что когнитивные параметры, которые «конститутивны для прототипического человеческого опыта», неизбежно участвуют в создании структуры художественного текста. «Могут быть нарративы без сюжета, но не может быть никаких нарративов без “человека переживающего”».

Как доказывает Гай Кук, связь между текстами и схемами двусторонняя: в то время как схемы, как правило, устанавливают основные правила того, как будет интерпретироваться дискурс, сами дискурсы могут побуждать читателей «настраивать» существующие схемы и создавать новые (Cook 1994: 182–184).

Анализируемые произведения не обязательно наследуют более ранним текстам, но апроприируют архетипические представления о *Тени* как подмене и угрозе *Я*. Расширенный количественный анализ репрезентативного набора классических литературных текстов позволил выявить наиболее эффективные «схемы» именно в «Двойнике» Ф.М. Достоевского, «Тайном сообщнике» Дж. Конрада и «Двух актерах на одну роль» Т. Готье, занимающих лидирующее положение по критерию сходства с другими текстами, составляющими «двойническую» группу. В качестве конкретного литературоведческого результата нашего исследования можно назвать выделение трех типов двойнических сюжетов (подчеркну – на основе нашего количественного метода): 1) переживание inferнальной угрозы в результате преданности дару («Два актера»); 2) сопереживание параллельных лиминальных ситуаций Я и Другим («Тайный сообщник»); 3) борьба ego и alter ego («Двойник» ФМД). Три группы атрибутов, обнаруживаемые в трех данных произведениях, со всей

очевидностью оказались наиболее адаптивными к разным художественным и когнитивным задачам.

Двойнические тексты воспринимаются нами как своего рода «эвристические эксперименты» писателей. Можно предположить, что писатель, создавая двойнический текст, работает с древними структурами сознания. Сравнивая произведения разных писателей и эпох, мы видим, что результаты этой переработки обладают ясно выраженной структурой. Каждый из авторов совершил отбор атрибутов двойников в соответствие со своей индивидуальностью и литературными задачами. Квантитативный анализ результатов писательского эксперимента позволяет обозреть значительный массив отражения таких ментальных процессов, как защита и расщепление.

В начале доклада я упоминал работу Патрика Хогана. Он утверждает, что структуры некоторых прототипических сюжетов не просто вытекают из архетипа, а вытекают из некой базовой системы эмоций и идеалов, которые являются как гедонистическими, так и этическими. Анализ этих систем позволяет лучше понять сложные отношения между нарративом, эмоциями и моралью.

В случае двойнических сюжетов их анализ вероятно может позволить предсказывать психические и этические реакции на ситуацию угрозы *Я*.

Кроме того, предлагаемый подход показывает не только то, как думает литературовед, работая с группой произведений, но и то, как с помощью конкретного математического метода можно преодолеть зазор между литературной критикой и более точными науками, в том числе когнитивными.

Guy Cook (1994), *Discourse and Literature: The Interplay of Form and Mind*: Oxford University Press

Monika Fludernik (1996), *Towards a 'Natural' Narratology*: Routledge

Hogan P. C. 2020 Narrative universals, emotion and ethics. *Poetics Today* 41, 187–204.